

УДК 81'1+929

ББК 81

К13

Рекомендуют к печати:

кафедра теории и истории языка,
кафедра русского языка и методики его преподавания
Педагогического института Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского

Рецензент:

Доктор филологических наук профессор *О.Б. Сиротина*

Кадькалова Э.П., Кадькалов Ю.Г. О научном наследии сара-
К13 товских лингвистов. – Саратов: ООО «Издательский центр "Нау-
ка"», 2008. – 194 с.
ISBN 978-5-91272-597-5

В предлагаемой книге даны фрагменты истории отечественного языкознания. Она знакомит читателя с основными вехами биографий, кругом научных интересов, основными направлениями научного поиска лингвистов, живших, работавших в разные годы в Саратове.

Издание рассчитано на широкий круг филологов (студентов, учителей школ, преподавателей вузов) и всех интересующихся наукой о языке. Посвящается 100-летию Саратовского университета.

Работа издана в авторской редакции

УДК 81'1+929

ББК 81

ISBN 978-5-91272-597-5

© Э.П. Кадькалова, Ю.Г. Кадькалов, 2008

Илья Наумович ГОРЕЛОВ (1928–1999)

И.Н. Горелов родился в 1928 г. в г. Ростове-на-Дону. В школе учился в Ростове-на-Дону (до начала войны 1941–1945 гг.), затем в Куйбышеве (Самаре) и Ташкенте (в связи с эвакуацией родителей). В 1943 г. семья вернулась в Ростов-на-Дону, где И.Н. Горелов окончил с медалью среднюю школу в 1946 г. Поступил в МВТУ им. Н.Э. Баумана.

С детства И.Н. Горелов свободно знал и любил немецкий язык, т.к. его няней по случаю оказалась молодая немка, Марта, не знавшая русского языка. В годы войны он потерял связь с любимой няней, которую считал второй матерью. После долгих поисков и запросов в разные инстанции он всё-таки нашёл няню и часто навещал её. Однако письма, поиски няни-немки послужили впоследствии основанием для обвинения И.Н. Горелова по 58-й статье и заключения его (в 1950 г.) в тюрьму (после трёх курсов МВТУ). В 1953 г. И.Н. Горелов был амнистирован, а затем и реабилитирован. После освобождения из заключения стал работать учителем немецкого языка в сельской школе. Экстерном закончил факультет иностранных языков Ставропольского пединститута в 1956 г. и был оставлен ассистентом кафедры немецкого языка.

В 1960–1963 гг. – аспирант ЛГПИ им. А.И. Герцена. Диссертацию на учёную степень кандидата педагогических наук («Вопросы истории, теории и практики отечественного натурального (прямого) метода преподавания иностранных языков») защитил в 1964 г. в Ленинграде. Преподавал в Оренбургском и Магнитогорском пединститутах. Диссертацию на учёную степень доктора филологических наук «Проблема функционального базиса речи» защитил в 1977 г. в Институте языкознания АН СССР.

С 1982 г. и до конца жизни И.Н. Горелов работал в Саратовском университете профессором кафедры немецкой филологии. С 1998 г. – член-корреспондент РАЕН. Он поддерживал активные научные связи с учёными Германии и по их приглашению часто выступал с лекциями в университетах Берлина, Ганновера, Эссена, Йены и др.

И.Н. Горелов был одним из ведущих психолингвистов в нашей стране, убеждённым последователем одного из крупнейших отечественных психолингвистов, проф. МГУ Н.И. Жинкина.

Ученик И.Н. Горелова проф. К.Ф. Седов так пишет о научном методе и научной проблематике И.Н. Горелова: «В науке Горелов всегда был первопроходцем, первооткрывателем. Его работы – это, как правило, опровержение устоявшихся догм, расхожих представлений... Большинство идей Горелова сейчас стало достоянием науки. Но в своё время их приходилось утверждать в жарких спорах... В докторской диссертации он доказывал тезис о существовании особого, невербального слоя сознания человека. И защита диссертации длилась около пяти часов.

Илья Наумович принадлежит к первому... поколению психолингвистов. И его следует считать не только классиком нашей науки, но и одним из её основателей... Он сумел затронуть практически все ключевые проблемы психолингвистики: порождение и понимание речи, соотношение вербальных и невербальных компонентов в мышлении человека, развитие языка и речи в фило- и онтогенезе, психолингвистический аспект овладения иностранным языком, проблемы соотношения звука и смысла в языковом сознании, динамический аспект строения текста, искусственный интеллект и мн.др.» [Седов, 2003: 5–6].

И.Н. Горелов – автор около 400 публикаций, в т.ч. около 15-ти изданий монографического характера [Горелов, 2003: 286].

О соотношении невербального и вербального в коммуникативной деятельности

«Данная проблема имеет прямое отношение к целому ряду общих и частных задач, поставленных и решаемых с разной степенью достоверности в самых различных сферах познания» (с. 146).

Разумеется, «данная проблема имеет прямое отношение» и к традиционному структурно-семантическому (системному) языкознанию – и даже в первую очередь к нему. Всё наработанное в этой области на сегодняшний день непрерываемо свидетельствует о целесообразности (а, точнее, о необходимости) взаимодействия «собственно лингвистических» и психолингвистических подходов при решении как общих, так и частных задач в каждой из этих двух сфер познания Языка *homo loquens*.

* По книге [Горелов, 2003: 146–181].

Далее при цитировании работ И.Н. Горелова номера страниц, указанные в скобках без уточнений, адресованы к этому изданию («Избранные труды...»). Исконное (1-е) издание каждой цитируемой нами работы И.Н. Горелова (в данном случае это [Горелов, 1985: 116–150]) указано в соответствующих разделах его «Избранных трудов...» и в приведённом нами библиографическом списке не повторяется.

Вопрос о соотношении лингвистического и паралингвистического, вербального и невербального в научном поиске И.Н. Горелова занимал большое и даже, по нашим впечатлениям, одно из главных мест.

Правда, поставить «точку» на этой формулировке значило бы допустить упрощение, если даже не ошибку. И не только потому, что диапазон научных интересов И.Н. Горелова был чрезвычайно широким, но, в первую очередь, потому, что сама названная проблема – это в теоретическом плане совокупность базовых вопросов не только языкознания, но и ряда смежных с языкознанием наук – о соотношениях мышление / язык, интеллект / речевая способность (личности), глубинные структуры (коды содержания) / поверхностные структуры (коды выражения), понятие / представление, диахрония языка / процесс порождения речи, знак / не-знак, язык / не-язык и др.

Нельзя не заметить, что проблема соотношения вербального и невербального в коммуникации прямым образом выходит и на методику изучения языка. Можно даже сказать, что уже само по себе наличие этого соотношения является подтверждением адекватности так называемой коммуникативной методики («натуральный метод», по И.Н. Горелову) обучения языкам – как родным, так и не-родным.

Далее мы попытаемся избирательно представить некоторые решения И.Н. Горелова, с тем чтобы хоть в какой-то степени содействовать преодолению той ситуации («подхода»), о которой он сам писал: «К сожалению, мало ещё лингвистов, заглядывающих в историю собственной науки. Но такой подход лишает возможности своевременно видеть и перспективы» (с. 252).

Вряд ли, конечно, в данном случае речь должна идти о «подходе», избранном специалистами. Это, скорее, досадная традиция, сложившаяся в реальных условиях быта и профессиональной деятельности. Но тем нужнее хотя бы и фрагментарные отсылки к состоявшимся научным накоплениям.

Сосредоточим внимание в первую очередь на тех суждениях и выводах И.Н. Горелова, которые прямым образом выходят на контакт психолингвистики с лингвистикой системной («чистой» – метафора И.Н. Горелова), а фактически вбирающей в себя все возможные аспекты наблюдений над языком.

Знак или «не-знак»; язык или «не-язык»?

По мнению И.Н. Горелова, разные мнения по этим вопросам могут быть сведены в три принципиально различные группы ответов (с. 150, 151).

А. «Всё есть знак», т.е. всё является «продуктом нашего ума».

Б. Следует различать «развитые формы знаков от неразвитых» («наиболее развитой, высшей знаковой формой необходимо признать человеческий язык»: «другие человеческие формы коммуникации должны быть признаны либо производными от языка, либо дополняющими его в коммуникации»); «произвольность (немотивированность) и условность (конвенциональность) связи знака и предмета обозначения являются необходимыми атрибутами

развитой формы знака»; «символы» занимают как бы промежуточную позицию между «не-знаками и собственно знаками (условными знаками)» [Солнцев, 1977: 25].

В. Целесообразно любой семиотический объект рассматривать «в том или ином “диапазоне знаковости” (термин Ю.С. Степанова). <...> Со временем, несомненно, будут выработаны критерии для каждого диапазона, что позволит достаточно строго формализовать сам процесс подбора»; однако уже «сейчас можно говорить... об основательности выделения “трёх типов знаков” [Ветров, 1968: 82–97], “десяти типов основных знаковых систем” [Степанов, 1971: 81–84], “пяти типов контактов” [Révész, 1946: 24] (внутри коммуникативных систем животных и человека), “шести видов знаков” [Sebeok, 1976: 117–142]. Это кажется перспективнее простого деления на “знаки” (человека) и “сигналы” (животных) [Мартынов, 1978] в свете данных зоосемантики...».

Категорически не соглашаясь с первой точкой зрения (ср.: «Данная позиция была в своё время основательно раскритикована В.И. Лениным: “Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи, – но это нисколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т.е. продуктом нашего ума” [Ленин, т. 18: 298]») и разделяя в принципе позицию вторую, И.Н. Горелов всё-таки предостерегает от абсолютизации последней. Ср.: «В.М. Солнцев, конечно, прав, стараясь различать развитые формы знаков от неразвитых и подводя к мысли, что наиболее развитой, высшей знаковой формой необходимо признать человеческий язык..., но нельзя забывать, что все существующие развитые языки сохраняют и используют механизм мотивированности формы языкового знака [Иллич-Свитыч, 1976] в нарастающем объёме (Г. Пауль), а данные этносемантики отмечают то же в сферах символики, ритуала и т.п. самых развитых цивилизаций современности. Таким образом, не следовало бы смешивать понятия “развитости” и “генетического возраста”, ...скажем, генетически более древнее, чем письмо, изобразительное искусство нельзя назвать “системой менее развитой, чем язык”, а дистанция между врождёнными мимическими движениями и искусством пантомимы Марселя Марсо, видимо, не меньшая, чем между древнейшей и нынешней стадиями развития языка» (с. 150–151).

Вряд ли надо комментировать, насколько интересно всё это для собственно лингвистики и особенно для лингвистической дериватологии (в которой безальтернативный вывод об абсолютном преобладании в языках так называемых производных (= мотивированных) слов совмещается с абсолютным «законом идиоматичности слов») и насколько важна здесь взаимоориентированность психолингвистических и собственно лингвистических научных поисков. Хотелось бы в данном случае только заметить, что вывод И.Н. Горелова о наибольшей перспективности и целесообразности третьего из названных подходов к определению границ между «знаком / не знаком» – с позиций расположения любого семиологического объекта «в том или ином

“диапазоне знаковости”» – явно коррелирует с выводами дериватологов о наличии и большой роли в синхронии языков разных типов, степеней, диапазонов мотивированности / немотивированности вербальных знаков (О.И. Блиннова, Н.Д. Голев, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов и мн. др.).

Особенно интересны в этом плане суждения и психолингвистические эксперименты И.Н. Горелова, касающиеся оппозиции «знак – представление».

О связи «знак – представление»

«По мнению А.Ф. Лосева, – пишет И.Н. Горелов, – “термины “знак” и “представление” понятны только профанам, точнее сказать, понимаются всеми в обиходном и некритическом смысле...” [Лосев, 1976: 77]. Можно добавить, что заметная резкость процитированного суждения, обращённая к тому же ко “всем”, объясняется ещё и фактами противоречивых интерпретаций в сфере соответствующей специальной литературы. <...> Если употреблять термин “представление” терминологически, то его понимание обязательно связано с репродуцируемым в памяти субъекта значимым комплексом ощущений, результатом чувственной деятельности. Будучи вполне автономным, не зависимым от вербализации, этот комплекс может быть в дальнейшем связан со словом или словосочетанием условнорефлекторно. Скажем, физиологически наличие связи между словом *лимон* и представлением о плоде с его вкусовыми, цветовыми и пространственными свойствами доказывается вполне однозначной реакцией в простейшем эксперименте*. Но количество таких ярких и явных связей весьма ограничено, само их наличие в ряде случаев предполагается и не всегда доказывается. Поэтому имеет смысл подвергнуть экспериментальной проверке следующее суждение: “Если я употребляю идиому *red herrina* ‘ложный след’, сознание моё не свободно полностью от представления о рыбе красного цвета...” [Чейф, 1975: 86]» (с. 161–162). И ниже: «Рабочая гипотеза, которую мы формулируем перед описанием проведённых экспериментов, заключается в том, что тезис У. Чейфа может быть верным лишь для определённых условий. В противном случае не существовало бы, в частности, процесса деэтимологизации значения слов и устойчивых словосочетаний; полисемантичность знака ставилась бы под сомнение; омонимия вызывала бы специфические затруднения в актах речевого функционирования и т.п. <...> Далее, поскольку лексика развитого языка может быть расположена на весьма протяжённой шкале “от конкретного к абстрактному” по признаку означивания, тезис У. Чейфа, вероятно, действителен главным образом для совокупности знаков с высоким уровнем “вещности”

* Конечно же, при условии знания слова *лимон* и «знакомства» с самим *лимоном*, что и имеется в виду в стихотворении для детей: «Что за “ли”? Что за “мон”? В звуках нету смысла. Но скажи-ка мне “ли-мон” – сразу станет кисло» (с. 210).

означаемых, но весьма слаб относительно знаков с высоким уровнем абстрактности означаемых, если вообще способен охватить их» (с. 162–163).

Такова была «рабочая гипотеза» И.Н. Горелова относительно реальности физиологической связи между словом (или, точнее, его рождением, а затем восприятием) и «комплексом ощущений» говорящего, его «представлением» означаемого данного слова.

Правда, это ещё не весь текст предэкспериментальной «гипотезы» И.Н. Горелова по названному вопросу. В рассуждениях о составляющих наметенного эксперимента И.Н. Горелов дополнил её ещё одним, очень существенным, на наш взгляд, штрихом, который не хотелось бы оставить за пределами нашего анализа. Так что вернёмся ещё раз к предположениям учёного. На этот раз они касаются уже не только связи «знак – представление», но и (в первую очередь) связи «субъект речи – представление», а следовательно, в конечном счёте – «знак – (субъект речи – представление)». Ср.: «...представления бывают самыми разными – при общей их чувственной природе – в зависимости от степени активности субъекта (и типологической группы социального характера, к которой принадлежит субъект)»; от меры активности субъекта «зависят самостоятельность, творческий характер представлений», их «сенсорно-перцептивный диапазон». «И, наконец, литературный материал... должен быть использован с крайней осторожностью, так как художественный метод обладает особой спецификой отражения действительности» (с. 163).

В тексте цитируемой работы И.Н. Горелова дано подробное описание проведённого эксперимента (с. 163–166). Показаны: группы испытуемых, экспериментальный материал, условия предъявления материала и методика обработки результатов. Выводы, полученные в результате, в основном подтвердили предварительные (гипотетические) выводы, но не только. Они углубили и конкретизировали предполагаемое.

И.Н. Гореловым был проведён масштабный, «в двух сериях» (с. 164), эксперимент по изучению реакций трёх возрастных групп испытуемых (детей 4–6 лет – в устной форме, школьников 13–15 лет, студентов 17–23 лет) на изолированные слова и фразеологические обороты (родного языка и изучаемого или изученного иностранного), а затем (спустя три месяца) на тексты с соответствующим лексическим и фразеологическим материалом.

Некоторые из полученных результатов:

1) «в нижней возрастной группе» наблюдалось «явное предпочтение прямого значения отдельной лексической единицы», «в верхней возрастной группе» «переносное значение начинает играть ведущую роль»;

2) изолированная лексическая единица в её прямом значении во всех возрастных группах в значительно большем количестве случаев «стимулировала выбор иллюстрации» (зримой иллюстрации – её универсально-предметного кода), чем значение переносное;

3) у части испытуемых школьников и у всех испытуемых студентов заданные вербальные единицы в составах фразеологизмов и текстов «ни разу не

соотносились с иллюстрацией прямого значения». «Так, например, получилось со словом *гвоздь*: будучи предъявлено изолированно, слово в 100% случаев было соотнесено с рисунком гвоздя. Но уже тексты (*Гвозди бы делать из этих людей, Крепче бы не было в мире гвоздей* — один из примеров) и фразеологизм *гвоздь программы* не дали ни у школьников, ни у студентов связи с представлением конкретного характера». Иное, правда, открылось в слове *дым*: «И в серии опытов по соотнесению отдельных слов с иллюстрацией, и в серии с текстами *дым* связывался неизменно с изображением дыма, идущего из фабричной трубы (тексты: *нед дыма без огня, любит пускать дым в глаза*). Очевидно, степень образности, с которой специалисты по фразеологии охотно связывают свои классификации, может проверяться и по предложенной нами методике» (с. 165–166) (т.е. от значения слова к представлениям об означаемом этого слова — к «универсально-предметному коду» означаемого).

Наблюдения, несомненно заслуживающие специального внимания лингвистов — в связи с ещё только наметившейся проблемой разграничения потенциальных возможностей (не только коммуникативно-стилистических, но и системно-языковых) так называемых первичных и вторичных, прямых и переносных значений слов.

По-видимому, эта направленность мысли может пролить новый свет на, казалось бы, уже доказательно зачисленную в число настолько же решённых, насколько нерешённых и неразрешимых проблем языкознания. В данном случае намечен новый аспект этой проблемы.

Мотивированность слова и представление

«Речь идёт о такой мотивации, которая приводит к более или менее удачным попыткам моделирования признаков объекта номинации с помощью звуковой формы знака» (с. 166).

Заметим: речь идёт о такой мотивированности знаков, при которой в форме знака отражены «признаки объекта», т.е. «представления» об означаемом, а не(!) значение (содержание) самого знака. С этих позиций наречие *бохо-бохо* (знак «тяжёлой походки») в языке эве может быть охарактеризовано в качестве идеофона относительно своего лексического значения, но одновременно и в качестве знака, который «ассоциируется с объектом номинации посредством синестезии [Лурия, 1964]» (с. 166) и тем самым попадает в ряд мотивированных обозначений действительности. Вероятно, то же можно сказать о таких словах, как русское *снегирь*: не зная этого слова, нельзя по его форме определить, что речь идёт именно о птице, но когда лексическое значение этого слова известно, мотивы выбора такой его номинативной формы для жителя России очевидны: *снегирь* в России появляется зимой.

Мотивированность языкового знака не на уровне его внутриязыкового значения, а на уровне представлений об обозначаемом (представлений, осевших в сознании носителей данного языка) наблюдается не только на уровне

слова, но и на уровне словосочетаний типа *тёплые тона, острый аккорд* и под [Горелов, 1974, 1976] и требуют, по мнению И.Н. Горелова, специального внимания «при обучении любому языку». «При этом важно, — пишет И.Н. Горелов, — исходя из природы явления, идти не от знака к соответствующим значениям, представлениям, а... опираться на чувственно представленный референт данного класса означаемых.

Если мы хотим научно обосновать процесс обучения машины или человека языку, мы должны опираться на некоторые фундаментальные положения современной теории деятельности, особенно теории речевой деятельности. Одно из таких положений сформулировано А.А. Леонтьевым: «Общим принципом, которому подчиняются межуровневые отношения, является то, что наличный высший уровень всегда остаётся ведущим, но он может реализовать себя только с помощью уровней низлежащих и в этом от них зависит» [Леонтьев, 1975: 232]. Применительно к нашей проблеме сказанное означает, что внедрить системные знаковые связи можно эффективно лишь в тесной связи с соответствующими единицами универсально-предметного кода мышления (Н.И. Жинкин), существенную и базисную часть которого составляет системные предпонятийные, образные «следы», представления.

Подлинное понимание речи возможно лишь в том случае, если данному языку в УПК соответствует свой нейрофизиологический субстрат, а отнюдь не только поверхностные связи на уровне «второсигнальной системы». Распространённая в лингводидактической практике система проверки понимания обучаемым введённого лексического материала (перевод на родной язык, употребление нового слова в репродуцируемом контексте и т.п.) как раз и игнорирует наличие обязательной связи знака языка с единицей УПК, подменяя эту связь связью «знак языка — знак (другой) языка». В результате, как это часто бывает... вместо самостоятельного (что не противопоставляется объективному!) представления о мире и адекватной, вполне индивидуализированной, формы выражения этого представления, образуется — через набор готовых формул — система поверхностных, банальных, часто неправильных представлений» (с. 167–168).

Надо сказать, что весьма интересные соображения об «универсально-предметном коде мышления» и его базисной части — «предпонятийных представлениях» — как об источнике номинативных мотивов (мотивированности) и «подлинного понимания речи» всё-таки однозначно не принимаются. Возможно ли полноценное понимание речи без обращения к этому источнику? Одни говорят «нет», другие говорят «да». И это не только проблемы переводов и обучения языку. Ср., например, заключение сказанного выше И.Н. Гореловым с имеющими иную целенаправленность, но тематически близкими суждениями В.В. Виноградова о проблемах художественной графики.

И.Н. Горелов: «Опасность приблизительного и искажённого владения знаком языка (без соответствующего осознания реальных связей) была пре-

красно показана в экспериментальных данных, полученных Б.А. Грушиным (1967).

Сопоставляя результаты применения разнообразных “рациональных” методик с уровнем овладения языком детьми в естественных условиях, приходится прийти к выводу в пользу оптимального приближения искусственного процесса обучения к естественному, который как раз и характеризуется ситуативностью коммуникации, ...при активации глубинных структур “смыслов”» (с. 168).

В.В. Виноградов: «Необходимо указать ещё на одну сферу соотношения ...образа автора (или авторов) в двух разных искусствах: <...> автора-писателя и иллюстратора его произведений. Иллюстрация может образовывать барьер между автором, его замыслом и читательским восприятием. Ведь образы, нарисованные иллюстратором с конкретной определённой и с субъективной индивидуализацией, могут вступить в противоречие и с авторским отношением к ним и с читательскими ассоциациями. <...> ...для достижения гармонии между писателем-автором и его иллюстратором должно быть внутреннее (или типологическое) единство их стиля. <...> Иллюстратору необходимо глубокое знание и понимание стиля того автора, который и персонажи которого он стремится изобразить. <...> Необходимо, чтобы образ автора словесно-художественного произведения и образ иллюстратора вступили в гармонические связи и соотношения и почти слились» [Виноградов, 1971: 207–208].

В.В. Виноградов приводит высказывания разных авторов (в большинстве случаев по книге Н.В. Кузьмина* [Кузьмин, 1967: 21]), свидетельствующие о том, как нелегко достичь соответствия между значением (смыслом) языкового знака (выполняющего художественно-образительную функцию) и «представлением» (комплексом ощущений), идущих от его означаемого. Ср.: «Вот – строки из писем Флобера: “Я терпеть не могу иллюстраций, особенно когда дело касается моих произведений, и пока я жив, их не будет”. Точно так же противником иллюстраций к своим сочинениям был и Ромен Роллан: “Я считал почти невозможным, чтобы художник мог повторить мысли писателя, и я предпочитал сохранить читателю свободу воссоздавать, следуя своему воображению облики, творимые рассказом”. Сюда же и напоминание Н.В. Кузьмина “о суровой отповеди Гоголя на предложение иллюстрировать его “Мёртвые души”: “Товар должен продаваться лицом, нечего его подслащивать этим кондитерством”**. И далее: “Ю.Н. Тынянов (“Архаисты и нова-

* Николай Васильевич Кузьмин – народный художник РСФСР, член-корреспондент АХ СССР. Его свободные по манере рисунки тонко передают эмоциональный строй литературного произведения.

** Интересно, что И.Н. Горелов упоминает Г. Флобера (его «Словарь прописных истин») как противника абсолютизированной связи «знак языка – знак (другой) языка» при построении и восприятии речи, при переводе на родной язык – подхода, который ведёт к набору «готовых формул», «поверхностных, банальных, часто неправильных представлений» [Горелов, 2003: 168].

торы”) тоже развивал ту мысль, что конкретность произведения словесного искусства не соответствует его конкретности в плане живописи» [Виноградов, 1971: 208].

В этом сопоставлении очень интересны приведённые В.В. Виноградовым извлечения из работ Н.В. Кузьмина (1967) и В.А. Фаворского*. Ср.: «Случается, – пишет Н.В. Кузьмин, – что зрительный образ своей назойливой конкретностью только мешает “кристаллизации читательской мысли”» [Кузьмин, 1967: 22]. «Только при наличии особенного избирательного средства между писателем и иллюстратором случается чудо слияния зрительного и литературного образа в нерасторжимое единство, и тогда иллюстрация остаётся в сознании читателя постоянным спутником книги». И далее – «о выбранной им манере иллюстрирования “Евгения Онегина”»: «Я, вопреки традиции, выбрал для иллюстрирования такие места, как “Нет презренной клеветы, на чердаке вралём рождённой и светской чернью ободрённой”, или даже черновые варианты, драгоценные авторскими признаниями, как “Уже раздался звон обеден; среди разбросанных колод дремал усталый банкомат, а я, всё так же бодр и бледен, надежды полн, закрыв глаза, гнул угол третьего туза”. Меня увлекла новизна этого активного подхода к иллюстрированию, и я, может быть, нарочно, объезжал стороной иные традиционные темы: Татьяна и няня, Татьяна за письмом, Онегин танцует с Ольгой, а Ленский ревнует...

Имел ли я на это право? Я полагаю, что имел: лирические отступления занимают в романе не меньше трети строф и судьба героя то и дело перекрещивается с биографией самого поэта» [Кузьмин, 1967: 57–58; Виноградов, 1971: 208].

Эти суждения Н.В. Кузьмина очень близки к суждениям В.А. Фаворского. Впрочем, последние, будучи очень сходными с процитированными по содержанию, глубоко проникают ещё и непосредственно в проблему «соотношения вещи-предмета и слова» (В.В. Виноградов). Так что мы их всё-таки процитируем отдельно. «Несомненно, – пишет В.А. Фаворский, – искусство передаёт **чувства, темы, характер** и т.п. То, что обычно называют содержанием. Но ни в коем случае нельзя представить себе, что и **чувства, и темы, и характеры** уже выяснены и готовенькие лежат для того, чтобы их изобразили. Только поняв **тему и характер** при помощи искусства, ты создаёшь художественное произведение, и тогда это **чувство** становится не переданным через искусство, а созданным искусством и проникающим в художественное произведение. <...> Должен ли художник, собираясь иллюстрировать литературное произведение, ограничивать свою задачу только передачей сюжета? Его задача значительно шире и глубже. Он должен передать стиль книги. <...> Оформить книгу, раскрыть средствами изобразительного искусства мир, созданный писателем, это не только ответить на сюжет, но и на

* Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964) – график и живописец, народный художник СССР, действительный член-корреспондент АХ СССР, мастер использования выразительных возможностей ксилографии (илл. к «Слову о полку Игореве», к «Борису Годунову» и «Маленьким трагедиям» А. С. Пушкина).

стиль литературного произведения. На мой взгляд, эти два момента неразделимы» [Фаворский, 1966: 15, 19, 29, 73–75].

И ещё одно замечание В.А. Фаворского, непосредственно относящееся к обсуждаемому нами вопросу: «...искусство обладает особым качеством. Встречаясь в жизни с предметами, обращаясь с ними, знаешь, как они называются, и эти названия сами по себе в какой-то момент были образами. Но в нашей жизни мы с ними обходимся как со знаками, помогающими понять. Эти знаки часто заслоняют от нас вещи. Мы знаем их как знаки, а не как вещи. Вот искусство как бы снимает эти маски. Оно вновь раскрывает, что это такое, и тогда вещи открывают совсем незнакомые стороны» [Фаворский, 1966: 29].

Тонкими и современными обобщениями, относящимися «к проблемам соотношения вещи-предмета и слова» назвал В.В. Виноградов эти суждения В.А. Фаворского. «Семиотика превращается в поэтическую семантику» [Виноградов, 1971: 211].

Непростое отношение «предмет – представление о предмете – языковой знак» открывается как одна из актуальных и нерешённых проблем ряда смежных наук, в том числе (или прежде всего) и лингвистической науки. Интерес к ней, анализ соответствующего материала (ассоциаций, чувственных реакций на слова и сочетания слов, правил и границ употребления последних и др.) может прояснить многое из пока ещё не ясного в языке и за его пределами. Связь «предмет – представление – слово» – это универсальный экран соединения невербального и вербального в сознании *homo loquens**.

И в заключение остановимся подробнее ещё только на одном вопросе затронутой проблемы.

О типах невербальных компонентов (НВК) в речевых актах (РА)

«Никакой язык не обладает столь мощным средством номинации, которое позволило бы ему обозначить “решительно все” раздражители. Тютчевское “мысль изречённая есть ложь” – свидетельство “мук слова” – именно потому, что “всякое слово уже обобщает”, а перед поэтом, писателем, учёным и любым говорящим стоит задача обозначения конкретного предмета в его неповторимости» (с. 207).

И далее: «Если вполне можно допустить собственно паралингвистические исследования (например, описание типов НВК вне связи их с ВК), то уже взаимо-

* См., например, попытку опереться на связь «предмет – представление о нём – значение слова» для градации лексических значений слов в школьном учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой: «Лексические значения слов типа *дом, шкаф, мяч* можно представить наглядно и показать рисунками. Однако в языке много слов и с таким лексическим значением, которое нельзя представить наглядно, например: *грамматика, искусство, цель; оловянный, искусственный, спорить* и т.д.» (Русский язык: Теория: Учебник для 5–9 кл. общеобразоват. школ. – М., 1994. – С. 67).

отношения НВК с ВК в речевых актах (РА) в компетенции даже “чистой” лингвистики»: «...констатация полнотности языковой системы и её структурной независимости сосуществует вместе с признанием неотъемлемости паралингвистических средств от собственно лингвистических. <...> Наши данные [Горелов, 1977в: 197–199] свидетельствуют о том, что: а) НВК являются не факультативной, а обязательной частью РА; б) НВК, опережающих реализацию ВК, – около 60%; в) НВК, реализующихся одновременно с ВК, – 37%; г) НВК, отстающих от ВК, – 3%» (с. 174).

По наблюдениям И.Н. Горелова, «результаты взаимодействия вербального и невербального в РА яснее всего выявляются... в тексте устного сообщения или в его литературно-художественной модели». Исследователь разграничивает 9 синтаксических ролей НВК в качестве «частей предложений: НВК в качестве сказуемого (*– Мне тайга не самый страх... – Ну не скажи-и... Тайга – она ууу; – Ну что, не цепляешься? – спросил он мастера. – Тот покачал головой: мол нет*); НВК в качестве прямого дополнения (*– Во дворе Николай поднялся к лабазам, кивнул на пудовый замок. – Отпусти!*); НВК в качестве косвенного дополнения (*– Для кого это ты? – Яков подмигнул и посмотрел на сестру...*); НВК в качестве обстоятельства образа действия (*– Хорошо поёт? – спросил Алексей Соломина. Тот кивнул*); НВК в качестве обстоятельства места (*– Поп посмотрел на Ерофея и, подмигнув, склонил голову направо, как бы спрашивая – там? Ерофей тоже молча утвердительно склонил голову...*); НВК в качестве обстоятельства времени (*– Когда же, дед?... Дед... посмотрел в окно, как бы говоря: утром*); НВК в качестве обстоятельства причины и следствия (*– Из-за неё, что ли? – Гена кивнул в её сторону*); НВК в качестве подлежащего (*– Это ты меня нашла? – Она улыбнулась и отрицательно покачала головой...*); НВК в качестве подлежащего и сказуемого (отсутствие обоих главных членов предложения – это широко распространённая черта “разговорного подъязыка”» (с. 177).

Совмещение невербальных компонентов с вербальными в структуре РА квалифицируется И.Н. Гореловым «в качестве коммуникативной универсалии», реализуемой «в соответствии с принципом дополнительности» (с. 178).

Что такое принцип дополнительности и как он соотносится с предметом нашего разговора?

Принцип дополнительности как научное понятие и термин идёт от физика Нильса Хенрика Давида Бора (1885–1962) – основателя и руководителя Института теоретической физики в Копенгагене, одного из создателей современной физики.

Принцип дополнительности, в понимании Н. Бора (по словам аналитиков его работ, с которыми соглашается и И.Н. Горелов), фиксирует «абсолютную недостаточность любой аналитической процедуры: гармония вещей складывается из взаимодействия явно конфликтующих друг с другом аспектов» [Мороз, 1978: 124]. Применительно к языку и речевым актам *принцип допол-*

нительности означает, по Горелову, единственно возможную реакцию языкознания на подвижность и диалектичность отношений: мышление и язык, знак произвольный и знак мотивированный, содержание и форма, синхрония и диахрония, невербальный и вербальный компонент речевой деятельности.

Попробуем для иллюстрации этих положений процитировать заключительные в данной теме суждения самого И.Н. Горелова и одобряемые им выводы других языковедов (по возможности, не отклоняясь от мысли Горелова, но в последовательности, избранной нами, не всегда совпадающей с последовательностью соответствующих высказываний – быть может, и с сопутствующими ей акцентами – в тексте автора).

1. «Это-то и поразило Бора, это и определило главное направление раздумий всей его жизни – то, что могут существовать два взаимоисключающих подхода к одному и тому же вопросу, которые, однако, в равной степени необходимы» [Мороз, 1978: 124].

«Правильнее, на наш взгляд, другое высказывание: “гармония” вещей складывается из взаимодействия явно конфликтующих друг с другом аспектов» [Мороз, 1978: 124]. Здесь уже яснее выступает сущность того, что названо “гармонией”. Это – не эстетическая идея в единстве противоположностей, которыми характеризуются явления материального мира, причём сложность исследуемого, говоря образно, определяется мерой противоречивости, многообразности выражения сущего» (с. 178–179).

2. «Как бы сложны и разнообразны ни были способы хранения знаний в нашем уме, в их основе всегда лежат различного рода предметно-содержательные связи» [Кацнельсон, 1966: 111–112]. «Полное описание такого объекта невозможно без применения принципа дополнительности» (с. 180). (Ср. также: «Существует три вида мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое или дискурсивное... В.П. Зинченко и Н.Ю. Вергилес подчёркивают, что на определённых стадиях мыслительного процесса более продуктивными оказываются действия со зрительными образами, ... в отличие от действий с символами, несущими на себе печать условности» (с. 207).

3. Говоря о «предметно-содержательных связях», всегда лежащих в основе «хранения знаний в нашем уме», а значит, и в основе экспериментально-доказанного (!) (образного и абстрактно-знакового) мышления» (С.Д. Кацнельсон)*, мы фактически говорим уже об изначальной относительной автономии «планов выражения и содержания» (И.Н. Горелов) в языке, об изначальной обусловленной произвольности (идиоматичности) языковых знаков, а затем и разных видов их мотивированности, идущей от разных источников, в том числе внеязыковых, предметных. «Когда семиология сложится как наука, – писал Ф. де Соссюр, – она должна будет поставить вопрос, относятся ли к её компетенции способы выражения, покоящиеся на знаках, в пол-

* Это не только теоретическая версия, но и вывод из экспериментальных данных, полученных нейрофизиологами В. Пенфильдом и Л. Робертсом «относительно автономности блоков памяти понятий и блоков памяти слов» (с. 180).

ной мере “естественных”, как, например, пантомима». И далее: «Но даже если семиология включит их в число своих объектов, всё же главным предметом её рассмотрения останется совокупность систем, основанных на произвольности знаков» [Соссюр, 1979: 101].

4. «...Обращаясь к генеративной лингвистике Н. Хомского, С.Д. Кацнельсон нашёл едва ли не самое слабое её место», — пишет И.Н. Горелов и цитирует С.Д. Кацнельсона: «...сама идея (Н. Хомского) “семантической интерпретации”, ставящая семантическую структуру предложения в зависимость от его формальной структуры, представляется необоснованной. Скорее, наоборот, формальная структура... является производной от семантической структуры предложения, своего рода “синтаксической интерпретацией” глубинной семантической структуры... генеративный процесс в целом, скорее, имитирует процесс слушания — понимания, нежели процесс мышления — выражения» [Кацнельсон, 1966: 104–105]*. И далее замечание самого И.Н. Горелова: «Согласно предлагаемому и для языкознания принципу дополнительности мы обязаны, обращаясь к семантическому аспекту языкового знака, его функционированию и интерпретации, признать необходимым выйти за пределы формы выражения, за пределы означающего» (с. 179).

5. «Развитие семиотики (или семиологии — как предпочитал писать и говорить Ф. де Соссюр) показало, что невозможно обойтись без «естественных знаковых систем, без рассмотрения мотивированных (в разных планах и разной степени) средств общения — не только потому, что они продолжают активно жить и развиваться (наряду и вместе с системами “произвольных” знаков), но и потому, что статическое описание речевой деятельности невозможно, описание языка в статике неполноценно, а в процессе речи и в генезисе как таковом естественные (включая невербальные) системы общения играют и играют, несомненно, весьма важную роль.

По существу семиотика благодаря зоопсихологии и антропологии рождает или уже породила в своих недрах эволюционный аспект. Знаковые системы мы обязаны рассматривать в широком “диапазоне знаковости” (по Ю.С. Степанову), где гораздо плодотворнее не деление на “знак / не-знак”, а установление иерархии знаков по степени выявленной сущности “знаковости” и по соотношению с рядом условий знаковых ситуаций. <...> В связи с проблемой эволюции знаковой деятельности имеет смысл с точки зрения принципа дополнительности пересмотреть отношение и к вопросу о происхождении языка: ...наиболее вероятный (достоверный) результат мы получим в том случае, если примем все известные гипотезы в комплексе... — будь то “теория жестов”, “трудовых выкриков”, “междометная теория” или “теория звукоподражаний”. Эти теории явно находятся в отношениях дополнительности друг к другу» (с. 181).

* Вряд ли это удачная для данного случая формулировка: на самом деле речь идёт не о «генеративном процессе» как таковом, а о генеративном процессе в показе Н. Хомского — о неадекватном представлении этого процесса как коррелирующего с процессами слушания — понимания.

6. «Невербальные компоненты собственно коммуникативной деятельности на участке передачи сообщения проявляют себя как рудименты древнейшего способа общения... Нет ни одной серьёзной работы в области кибернетики, где бы не подчёркивалась самая острая необходимость в исследованиях сущности речевой коммуникации, которая, как мы старались показать, далеко не исчерпывается “механизмами языка” (с. 181). «Речевая деятельность... **неимманентный** процесс, замыкающийся в сфере языка» [Кацнельсон, 1966: 115]. Ср. вывод, к которому пришёл Ж. Пиаже по следам проведённых им экспериментов на соотношение у детей «уровня владения речью» и «возможностей сериации и классификации» явлений внеязыковой действительности: «Как бы значительна ни была роль языка в развитии логических структур, но она не может рассматриваться даже у нормального ребёнка в качестве основного фактора их формирования» [Пиаже и др., 1963: 12]*.

Вопрос о степени «диктата языка над мышлением» настолько интересен для «чистой» лингвистики, что, пользуясь случаем, мы приведём и некоторые соображения этого плана, высказанные Н.И. Гореловым в других работах, в связи с обсуждением других проблем и с другой целевой установкой. Ср.: «Не исключена всё же возможность предполагать, что каким-то образом “**диктат языка**” на высшем уровне интеллектуальной деятельности ослабевает, оставаясь в силе на менее высоком уровне. Важно поэтому выяснить экспериментально, когда и как восприятие и воспроизведение зрительных образов “скрещивается” с вербальными механизмами или опирается на них; как соотносятся восприятия и воспроизведения текстов и зрительных образов» (с. 187).

«Известный афоризм Козьмы Пруткова (“Если на клетке слона прочтёшь надпись “буйвол”, не верь глазам своим”) может быть... интерпретирован в рамках проблемы “языковой относительности”: верить ли надписи на клетке или тому, что видишь собственными глазами?» (с. 191).

«Представим себе, однако, случай, при котором непосредственное (“живое”) созерцание невозможно. Тогда некоторое знание (т.е. содержательная информация), поданное в языковой форме, может быть усвоено также только в языковой форме. <...> На деле же мы будем при этом заменять объективное отражение объективной реальности субъективным представлением... <...> Экстралингвистические знания, интеллектуальные операции “преодолевают релятивизм языка”, так как не язык есть “субстрат интеллекта”, а, напротив – в филогенезе и в онтогенезе – знаковое поведение высшего уровня строится на соответствующем “интеллектуальном субстрате”. Взаимодействие сигнальных систем не подлежит сомнению, но языковая система не определяет возможностей познания объективной реальности, если последняя предстаёт перед индивидом не только в языковом описании, но и непосредственно» (с. 191–192).

* Формулировка вывода Ж. Пиаже приведена по И.Н. Горелову (с. 25). Примером правильности этого вывода может служить одновременность усвоения ребёнком цветовой гаммы (уже на третьем–четвёртом месяце жизни) и словами-названиями цветов (после 2-х лет).

«Весьма интересно, что развитие перцепции, включая дифференциацию предметов по цвету и форме, отмечается у ребёнка в раннем онтогенезе с 5 месяцев, что доказано экспериментально... Поскольку к этому времени ребёнок ещё не овладел ни в какой мере (даже пассивно) соответствующими знаками языка, указанная дифференциация осуществляется без помощи языка. <...> ... “план выражения” (“поверхностные структуры”) и “план содержания” (“глубинные структуры”) не являются идентичными» (с. 208).

«Не ясно..., является ли мыслительный акт “внутренним проговариванием” соответствующего суждения в форме “поверхностной структуры”. Ввиду того, что современная психология речи и психолингвистика оперируют понятием “внутренняя речь”, то, следовательно, необходимо выяснить, является ли внутренняя речь изоморфом внешней, являясь одновременно механизмом мышления» (с. 209).

«Экспериментами Н.И. Жинкина (1960; 1964), позднее подтверждёнными на разнообразном материале... было показано, что мышление не осуществляется в коде речедвижений, но имеет свой своеобразный механизм, универсально-предметный код (УПК). Этот код представлен в коре головного мозга не эквивалентами “внешнего” языка, которые ведают речедвижениями, а нейронными образованиями и связями, которые позволяют соотнести эквиваленты языковых знаков с физиологическими субстратами представлений, образов и механизмов 1-й сигнальной системы... Есть понятия, которые могут быть сформированы в нашем сознании только с помощью языкового знака, например, понятие *принцип*. Но последовательным истолкованием этого понятия, иллюстрацией в словоупотреблении мы можем “спуститься” с уровня высших абстракций на уровень наглядно представимого образа или отношений между образами. В противном случае слово *принцип* не будет сигналом некоторого содержания, соотносённого с реальностью» (с. 210).

«Иными словами, знак языка лишь тогда обретает свою знаковую сущность, когда он соотносим (в своей форме) к отражённому в психике элементу реальной действительности; в более сложных случаях – с установленной ранее связью между более или менее близкими отражениями реальной действительности или с “отношениями связей” – в зависимости от уровня абстракции. без возможностей такого соотношения знак не мог бы иметь “значения”, не мог бы выполнять символической функции, не мог бы ни о чём сигнализировать» (с. 210).

«...процесс высказывания есть “движение от мысли к слову”, процесс понимания высказывания – “от слова к мысли”, как понимают эти процессы Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев и вся школа советской психолингвистики, а также значительная часть зарубежных психолингвистов...» (с. 211).

«“Алогизм” в принципах номинации возможен только потому, что знак, функционируя в речи, постоянно соотносится с ситуацией, с контекстом, а ситуация осмысливается и без помощи вербальной деятельности...» (с. 214).

«Вполне убедительно А.И. Новиков показал, что областью семантики текста следует считать денотативный уровень его организации, но эта ор-

ганизация раскрывается реципиенту лишь в процессе декодирования текста, и процессе его понимания (с опорой на экстралингвистические знания). Поэтому денотат “нельзя считать лингвистической единицей”. Смысл текста также “не бывает полностью лингвистическим, ... так как опирается не столько на языковое знание, сколько на соотношение предметов действительности, составляющих сферу обозначаемого... Поэтому для исследования собственно лингвистических закономерностей необходим учёт и всех экстралингвистических явлений, входящих в семантику текста” [Новиков, 1982: 21]» (с. 260).

«Н.И. Жинкин неоднократно пояснял идею своего универсально-предметного кода мышления, делая это приблизительно так. Если признано, что язык – знаковая система, а текст – знаковый продукт, то должно быть ясно: при чтении или слушании мы можем что-то понять только в том случае, если в мозгу существует некий “дешифратор”. Он переводит знаки текста в особую кодовую систему. Мнение о том, что мы “мыслим на языке”... странно. Выходит в таком случае, что мы понимаем нечто неизвестное (зашифрованное) с помощью того же самого неизвестного – текст через текст или язык через тот же язык. Более логично предположить, что знаки языка дешифруются с помощью системы особого рода. В ней “оживляются” “образы”, “следы”, “нейрохимические аналоги” и т.п., но не слов..., а семантики, стоящей за словами...: “следы” впечатлений о внешнем мире, “следы” фантастических сущностей, “следы” реальных свойств реальных объектов или приблизительных (или искажённых) представлений о них. Если бы не было этих “следов”, то слово... не выполняло бы функций той системы, которая была названа И.П. Павловым “второй сигнальной”. <...> То есть, если бы “мыслили на языке”, то словосочетание “красный помидор” не могло бы вызвать в памяти ничего, кроме словосочетания же “красный помидор”. Но реально-то вызывается зрительный образ и вкусовые ощущения реального помидора!» (с. 276).

Библиографический список

Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.

Горелов И.Н. О «следах» смыслового синтаксирования в разговорной реплике // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1976.

Горелов И.Н. Проблемы «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1977а. Т. XXXVI.

Горелов И.Н. Опыт психолингвистического подхода к проблеме «лингвистической относительности» // Виды и функции речевой деятельности. М., 1977б.

Горелов И.Н. Авербальные «следы» в тексте // Виды и функции речевой деятельности. М., 1977в.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.

Горелов И.Н. Проблема лингвистического обеспечения искусственного интеллекта // Вопросы языкознания. 1984. № 5.

Горелов И.Н. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.

Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Таллин, 1987.

Горелов И.Н. Проблемы общения: процессы и средства // Новости искусственного интеллекта. М., 1992. № 4.

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003.

Ветров А.А. Семиотика и её основные проблемы. М., 1968.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.

Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М., 1967.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1976.

Избранные труды по психолингвистике / Отв. ред. К.Ф. Седов. М., 2003.

Кацнельсон С.Д. Сознание – мышление – язык – речь // Семинар по психолингвистике: Тезисы докладов. М., 1966.

Кузьмин Н.В. Штрих и слово. Л., 1967.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18.

Леонтьев А.А. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

Лурия А.Р. Курс лекций по общей психологии. М., 1964.

Мартынов В.В. Рец. на кн.: Sebeok Th.A. Studies in Semiotics // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 2.

Мороз О.В. В поисках гармонии. М., 1978.

Новиков А.И. Лингвистические и экстарлингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частой лингвистической теории текста. М., 1982.

Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М., 1963.

Солнцева В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

Соссюр Ф.де. Курс общей лингвистики. М., 1979.

Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.

Фаворский В.А. О художнике, о творчестве, о книге. М., 1966.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.

Révész G. Ursprung der Sprache. Bern, 1946.

Sebeok Th.A. Studies in semiotics. Contribution to the doctrine of signs. Indiana University. Lisse, 1976.